

Последний мяч командной тренировки упал на площадку, и тренер Вэнь, похожий на судью, поднял руку, подавая знак об окончании. Шумный корт не сразу погрузился в тишину, напротив, в воздухе повисла тонкая, напряженная атмосфера.

Игроки кучками расходились по краям площадки: кто-то, согнувшись, разминал ноющие икры, кто-то вытирал пот полотенцем, а кто-то сбился в кучку, обсуждая траекторию только что забитого мяча. Однако взгляды почти каждого словно невидимой нитью тянулись к центру поля и время от времени туда ускользали.

Там стояли двое.

Инь Юнь слегка согнулся, оперевшись руками в колени, и тяжело дышал. Мягкие пряди челки на лбу были влажными от тонкого слоя пота и плоско прилипали к гладкому лбу, а кончик носа и щеки покрылись легким румянцем после тренировки. Выпрямившись, он небрежно подхватил стоявший рядом бутыль с водой, отвинтил крышку и сделал большой глоток. Линии его шеи были плавными и чистыми, а капелька воды скатилась с уголка губ, после чего он небрежно смахнул её.

Даже после только что завершившегося жесткого противостояния на его лице по-прежнему играла мягкая и яркая улыбка, а глаза лучились теплом, словно вечно сияющий огонек, который мгновенно располагал к себе.

Всего в нескольких шагах от него тихо стоял Шэнь Цзи.

Его черный спортивный костюм резко выделялся в толпе. Опустив глаза, он чистым полотенцем неторопливо протирал обод и рукоять ракетки — движения были механическими и сосредоточенными, а исходившая от него аура отчужденности и холода создавала невидимый барьер, наглухо отсекавший всё окружающее оживление.

Один — яркий и ослепительный, другой — угрюмый и холодный.

Один — мягкий и компанейский, другой — волк-одиночка.

Казалось бы, два человека с совершенно противоположными характерами, стоило им только оказаться в поле зрения вместе, почему-то начинали разительно выделяться и приковывать к себе все взгляды.

Взгляды товарищей по команде, обращенные к ним обоим, были слишком сложными, чтобы описать их парой слов.

Стоявшие ближе всех игроки сжимали в руках ракетки и тихо переговаривались, в их голосах отчетливо слышалось восхищение Инь Юнем и легкая жалость к нему.

— Вы видели это? Только что у сетки брат Юнь выкладывался просто безумно, несколько раз чуть носом в пол не уткнулся.

— Последние несколько дней он ведет себя так, будто подменили. Раньше он хоть и тренировался усердно, но никогда не сходил с ума подобным образом, целыми днями преследуя Шэнь Цзи ради спарринга.

— Точно, никогда еще не видел, чтобы брат Юнь был так заиклен на ком-то из соперников. Стоило проиграть один раз — и его будто переклинило, уперся рогом, во что бы то ни стало хочет отыграться.

В их глазах Инь Юнь оставался всё тем же Богом Юнем — одаренным, мягким по характеру, стержнем всей команды и тем, на кого все полагались. То, с каким фанатизмом он тренировался последние дни, видели абсолютно все: они одновременно восхищались его стойкостью и втайне сочувствовали ему.

Другая же часть взглядов падала на Шэнь Цзи — в них читалось любопытство, настороженность и капелька неувлимого отчуждения.

— Погодите, откуда вообще взялся этот Шэнь Цзи? Раньше о нем ни слуху ни духу, а как появился — сразу такая жуть.

— И уровень просто чудовищный! Как бы брат Юнь ни менял темп, тот принимает абсолютно всё, пробить его просто невозможно.

— И характер ледяной донельзя. С товарищами по команде вообще не разговаривает, на перерывах сидит в одиночестве — жутковато как-то, даже подходить боязно.

В глазах большинства игроков Шэнь Цзи был внезапно объявившимся одиноким волком — сильным, загадочным и неприступным, вызывающим невольное любопытство и заставляющим инстинктивно держаться на расстоянии.

Но куда больше внимания привлекало нечто иное: люди украдкой косились на едва уловимую, но невероятно сильную напряженность между ними обоими.

С их первой встречи в финале городского чемпионата, когда Инь Юнь раз за разом перекрывал ему дорогу и вызывал на бой, и вплоть до нынешних тренировок, где они неизменно сами объединялись в пару для совместной игры — любому зоркому человеку было очевидно: Инь Юнь относился к Шэнь Цзи совершенно иначе.

На командных тренировках все обычно разбивались на пары как попало, кучкуясь со знакомыми, и только Инь Юнь всякий раз целеустремленно направлялся к половине поля Шэнь Цзи, явно намереваясь играть именно с ним.

В перерывах между подходами остальные собирались группками, болтали и дурачились, и только Инь Юнь неизменно норовил пристроиться рядом с Шэнь Цзи, нисколько не смущаясь его холодности.

Даже когда остальные отдыхали и пили воду, он всё равно умудрялся затащить Шэнь Цзи сыграть лишнюю пару сетов и обменяться еще несколькими ударами.

Открыто и беззастенчиво, совершенно не таясь.

Эта исключительность и упорство, попавшие на глаза группе подростков переходного возраста с их обостренной чувствительностью, легко считывались совершенно иначе.

В тени деревьев у края площадки Линь Юйхэн прижимал к груди бутылку с водой, легонько толкнул локтем стоявшего рядом Сюй Линя и, понизив голос, со строительной миной заговорщически подмигнул:

— Эй, зубрила, тебе не кажется, что брат Юнь... ну просто невероятно, безумно заиклен на Шэнь Цзи?

Сюй Линь спокойно окинул взглядом двоих парней на площадке, равнодушно бросил «угу» и добавил без особого выражения:

— Заметно.

— Да при чем тут просто заиклен, он же на него глаз положил! — Линь Юйхэн цокнул языком, глаза его блестели. — Сколько себя помню, никогда не видел, чтобы брат Юнь так кому-то уделял внимание, да еще и человеку, которого знает без году неделя. На месте любого другого он бы отделался парочкой вежливых фраз, с чего бы ему так упираться?

Несколько стоявших неподалеку игроков тоже тихонько подтянулись, присоединяясь к шепотку.

— И правда, очень заметно. У брата Юня даже взгляд на Шэнь Цзи меняется — сплошной азарт и... что-то еще, не пойми что.

— Шэнь Цзи тоже хорош. Начни кто другой так докучать, он бы давно послал его куда подальше, а с братом Юнем — пусть и холодный, но ведь ни разу по-настоящему не оттолкнул.

Шепоток летал в воздухе обрывками фраз, все нарочито понижали голоса, боясь, как бы фигуранты обсуждения не услышали их и не возникло неловкости.

И среди всех этих любопытных, сплетнических и восхищенных взглядов нашелся один — исключительно тяжелый, мрачный и многослойный. Словно скрытое под гладкой водой подводное течений, стоило лишь чуть калыхнуть его, и оно грозило обернуться жуткой бурей.

Этот взгляд принадлежал Чжэн Ицзиню.

Он стоял в полном одиночестве на самом краю толпы, прислонившись спиной к металлической ограде корта, и так крепко сжимал рукоять ракетки, что костяшки пальцев побелели, а на тыльной стороне ладони проступили вздувшиеся вены.

Его взгляд был прикован к Инь Юню, а на дне глаз бушевало напряжение, мрачная тоска и горечь, природу которых он сам еще до конца не осознавал.

Он столько лет был товарищем Инь Юня по команде.

Начиная с зеленого новичка, только-только попавшего в клуб, и до постепенно закрепившегося в основе игрока — они вместе тренировались, вместе выступали на турнирах, вместе проливали пот на площадке и вместе прошли путь от никому не известных пешек до ребят, чьи имена гремели на весь город Наньлин.

В сердце Чжэн Ицзиня Инь Юнь был олицетворением сияющего света.

Одаренный капитан, несравненный гений, человек, за которым он всегда наблюдал исподтишка, за которым следовал по пятам и которого прятал глубоко в сердце.

Он привык к тому, что Инь Юнь со всеми вежлив и добр, привык к его ослепительному сиянию на поле, привык к тому, что тот держит в фокусе внимания главным образом корт, матчи, тактику и окружающих его игроков.

Он думал, что это положение вещей никогда не изменится, что он сможет вечно стоять неподалеку, любуясь этим светом и составляя ему компанию.

Но появление Шэнь Цзи в один миг разрушило это спокойствие.

Этот неожиданно ворвавшейся парень оказался похож на огромный валун, брошенный в гладь озера — он играючи взбаламутил весь привычный порядок.

Взгляд Инь Юня больше не привязан исключительно к игре и товарищам по команде.

Всю свое терпение, настойчивость, соревновательный азарт и даже ту редкую, упрямую привязчивость, что он обычно не показывал людям, — всё это он разом отдал Шэнь Цзи.

Чжэн Ицзинь так и стоял в отдалении, глядя, как Инь Юнь в очередной раз сам подходит к Шэнь Цзи, как на его губах расцветает мягкая улыбка, как он о чем-то непринужденно и близко беседует с ним, а в глазах горит такой яркий огонек, какого он в них никогда раньше не видел.

А этот замкнутый и угрюмый Шэнь Цзи, пусть по-прежнему и не выказывал особых эмоций, но и не оттолкнул его, не отвернулся, просто стоял на месте, слушая слова Инь Юня.

Необъяснимая, липкая и душная волна тоски тихо поползла из самых глубин сердца, постепенно затапливая грудную клетку и тяжелым грузом оседая на душе так, что становилось трудно дышать.

Это была ревность.

Ревность к тому, что все знаки внимания Инь Юня достались какому-то новичку.

Это было обидное несогласие.

Обида на то, что годы совместного пути и погони оказались ничтожны перед внезапно объявившимся незнакомцем.

И еще — тревога.

Ему смутно казалось, что что-то уже бесповоротно изменилось.

То сияние, на которое он так долго смотрел снизу вверх, похоже, понемногу отклонялось от прежней траектории, неуклонно сближаясь с кем-то другим.

Чжэн Ицзинь плотно сжал тонкие губы, линия его челюсти окаменела, лицо помрачнело, а и без того не слишком мягкий взгляд наполнился темной враждебностью.

Шэнь Цзи.

Это имя с самого дня городского чемпионата стало острой занозой, больно вонзившейся в некогда упорядоченную команду и в его собственное сердце, хранившее покой больше десятка лет.

У кромки поля товарищи по команде глазели по сторонам с самыми разными лицами.

Кто-то просто с любопытством наблюдал за чужой драмой, кто-то восхищался и вздыхал, а кто-то глазел на всё это исключительно ради забавы — легко и непринужденно.

И лишь во взгляде Чжэн Ицзиня крылись бурные подземные течения, скрытая ото всех привязанность и нескрываемая враждебность.

А те двое в центре поля, все еще погруженные в собственный мир, не замечали ничего из

этого.

Инь Юнь всё так же увлеченно толковал Шэнь Цзи о траектории какого-то розыгрыша, а Шэнь Цзи молча слушал, изредка коротко и негромко отзываясь.

Лучи солнца падали на них: движение и неподвижность, жар и холод, свет и тень сливались воедино, образуя самую приметную картину на всем корте.

Они по-прежнему раз за разом взмахивали ракетками, переглядывались и сходились в поединках.

И ни капли не подозревали, что уже давно оказались в самом центре всеобщего внимания.

И уж тем более не догадывались, что чей-то чужой взгляд, полный острой стали и яростной враждебности, уже намертво вцепился в них, втайне вынашивая в тихом уголке надвигающуюся бурю.

<http://bllate.org/book/19705/1937960>